

## К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОЛЛЕГИЙ (1934–1938 гг.)

**Аннотация.** Статья посвящена малоизученной теме правового регулирования деятельности специальных коллегий. Работа основана на привлечении большого количества как опубликованных, так и архивных источников. Основную массу дел, рассматриваемых специальными коллегиями, составляли дела об анти-советской агитации. Однако в 1934–1938 гг. наблюдалось постепенное расширение компетенции специальных коллегий. В результате они стали рассматривать не только дела о государственных преступлениях, но и общеуголовные дела. Правовое регулирование их деятельности отличалось ведомственным характером. Большую роль в этом процессе играли акты Верховных судов СССР и РСФСР, Прокурора СССР, Народного комиссариата юстиции СССР, а также совместные акты этих ведомств. Это привело к фрагментированности правового поля и различным нарушениям норм материального и процессуального права.

**Ключевые слова:** советская юстиция, советский суд, специальные суды, общие суды, специальные коллегии, спецколлегии.

SHKAREVSKY DENIS NIKOLAEVICH

Senior Lecturer of Department 53  
Military University of the Ministry  
of Defence of the Russian Federation

## ON THE LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF SPECIAL COLLEGES (1934-1938)

**Abstract.** The article is devoted to the little-studied topic of legal regulation of the activity of special boards. The article is based on a large number of published and archival sources. The bulk of cases considered by special boards were cases of anti-Soviet agitation. But in 1934–1938 there was an expansion of the competence of special collegiums. They began to consider not only cases of state offences, but also general criminal cases. The legal regulation of their activities was characterised by departmental nature. The acts of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR, the USSR Prosecutor, the People's Commissariat of Justice of the USSR, as well as joint acts of these departments played a major role in this process. This led to fragmentation of the legal field and various violations of legal norms.

**Key words:** Soviet justice, Soviet court, special courts, general courts, special colleges.

Несмотря на активное изучение деятельности органов советской юстиции в 1990-2000-е гг. до настоящего момента существует большое количество малоизученных тем в этой области. Одной из них является деятельность специальных коллегий.

Исследователи XX в. не уделяли внимания этой теме. Даже в фундаментальном труде М. Кожевникова они удостоились лишь упоминания<sup>1</sup>. Современные исследователи фрагментарно описали их функционирование<sup>2</sup>.

Специальные коллегии (СК) были созданы на основании двух постановлений ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. Первое лишало НКВД судебных функций. Второе — создавало Специальные судебные коллегии в составе председательствующего и двух членов суда для рассмотрения дел о

<sup>1</sup> Кожевников М. История советского суда. М.: ЮИ, 1948. 376 с.

<sup>2</sup> Козинцев А. Специальные коллегии Уральских областных судов как органы политической юстиции в 1935-1938 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 81-85; Козинцев А., Шкаревский Д., Яноши В. Органы специальной юстиции СССР в 1930-1950-е гг. Сургут: СурГУ, 2016. 255 с.; Жаркой М. Спецколлегии в судебной системе СССР: их роль и место в реализации карательной политики государства // Судебная система РФ. СПб.: Петрополис, 2009. С. 25-29; Тязин Е. Проблемы укрепления законности в СССР и деятельность специальных судебных коллегий краевых, областных судов и верховных судов автономных республик в 1937-1938 гг. на материалах Мордовской АССР // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 67-74; Шкаревский Д. Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг. // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 257-265; Шкаревский Д. Деятельность Спецколлегии Верховного суда РСФСР // История государства и права. 2020. № 6. С. 34-39.

государственных преступлениях, расследованных НКВД. Но эти постановления лишь примерно определяли их компетенцию. Соотношение дел в СК динамично менялось<sup>1</sup>.

Как эволюционировала компетенция специальных коллегий? Каким образом осуществлялось правовое регулирование их деятельности? На эти вопросы призвана ответить данная работа.

По мнению А. Козинцева, СК рассматривали дела о преступлениях, квалифицируемых по следующим статьям УК РСФСР: 58, 59, 74, 79, 84, 108, 109, 111, 112, 116, 120, 143, 162, 164, 165, 166, 167, 169, 182<sup>2</sup>. Это существенно отличалось от той модели, которая была установлена постановлениями ЦИК от 10 июля 1934 г.

Данный список не является полным. Это связано с тем, что их компетенция не была статичной. В 1934–1938 гг. она динамично расширялась. Расширение их подсудности началось во второй половине 1934 г. в результате передачи на рассмотрение областных (краевых) судов дел народных судов.

Например, им были переданы на рассмотрение дела по закону 7.8. 1932 г., дела о бандитизме, грабежах, групповом хулиганстве, дела о должностных лицах (директоров совхозов, МТС и др.). Например, в 1935 г. в СК ВС РСФСР доля дел по закону 7.8 составляла 10,6%<sup>3</sup>. Также их рост объяснялся увеличением количества дел об антисоветской агитации, вызванных убийством С. Кирова.

Кроме того, к подсудности спецколлегий относились дела по «закону 25.7»<sup>4</sup>. Речь шла о постановлении ЦИК и СНК от 25 июля 1934 г. Оно вводило уголовную ответственность за преступления в торговле (обвешивание, обмеривание и т.п.). Санкция за эти преступления предусматривала лишение свободы на срок до 10 лет.

Таким образом, специальные коллегии рассматривали не только антигосударственные (политические и против порядка управления), но и общеуголовные дела.

Их компетенция регламентировалась ведомственными актами различной степени секретности. Во-первых, ряд актов расширял компетенцию данных органов. Обычно такие документы направлялись в начале уголовно-правовой кампании. Так, директивное письмо № 13 Верховного суда СССР от 7 марта 1935 г. расширяло компетенцию спецколлегий, относя к их подсудности дела, связанные: с неправильным расходованием мобилизационного фонда; с недоброкачественным выполнением заказов военного ведомства; с невыполнением планов мобилизационного запаса и военных заказов; с разглашением и с халатным отношением к хранению секретной и совершенно секретной переписки<sup>5</sup>.

Во-вторых, существовали акты, которые уточняли, разъясняли компетенцию СК. Как правило, подобные документы направлялись после завершения уголовно-правовых кампаний и имели целью сократить количество рассматриваемых дел. Совместным циркуляром НКВД и Прокурора СССР от 27 ноября 1935 г. № 167 устанавливалось, что в спецколлегии должны направляться не все дела о подлоге партийных документов, а только те, «в которых одновременно имеются обвинения в к.р. деятельности».

Такая политика в сфере расширения — сужения компетенции СК создавала ситуацию неопределенности. В результате директивное письмо Верховного суда СССР № 25 от 31 мая 1935 г. констатировало, что спецколлегии принимали к своему производству не подсудные им дела<sup>6</sup>. Нарушение правил подсудности фиксировалось вплоть до их ликвидации<sup>7</sup>.

В своей деятельности судьи СК ориентировались как на опубликованное, так и на секретное законодательство. Первое в 1934–1938 гг. существенно ужесточается. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1936 г. СК предоставляется право применять новый вид наказания в виде заключения в тюрьму. 2 октября 1937 г. максимальное наказание по делам о вредительстве было увеличено до 25 лет лишения свободы.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 6. Л. 9.

<sup>2</sup> Козинцев А. Специальные коллегии Уральских областных судов как органы политической юстиции в 1935–1938 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 81.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 3. Л. 12.

<sup>4</sup> ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 2. Л. 5.

<sup>5</sup> История сталинского Гулага: в 7 т. Т. 1 / отв. ред. Н. Верт, С. Мироненко. 2004. С. 226–227.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 75. Л. 114, 24.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 179. Л. 68.

Большую роль в регулировании деятельности СК играли секретные ведомственные нормативные акты. Они касались различных сторон функционирования СК. Выделялись акты Верховных судов (ВС) СССР и РСФСР, Прокурора и Наркома юстиции СССР (НКЮ).

Директивы Верховных судов, как правило, касались вопросов толкования материального права, изменения процессуальных норм и правил направления дел. Важное значение имело Директивное письмо № 13 ВС СССР от 7 марта 1935 г. Оно запрещало по делам о контрреволюционной агитации применять принудительные работы и условное осуждение. Предлагало дела с недостаточным количеством улик в отношении социально-опасных обвиняемых передавать на рассмотрение Особого совещания (ОСО)<sup>1</sup>.

Ведомственные акты прокуратуры, в основном, касались правил квалификации преступлений. Так, директива Прокурора СССР от 23 января 1935 г. требовала одобрение террористических актов «в отношении вождей партии и советского правительства», квалифицировать по ст. 58-10 УК<sup>2</sup>.

Большую роль играли совместные акты Верхсуда и Прокуратуры. Они обычно ограничивали усмотрение суда, изменяли процессуальные правила и ориентировали судей на вынесение более суровых наказаний. Так, директива от 11 марта 1935 г. приказывала дела о грабежах с насилием заканчивать расследованием в 5-дневный срок, обвинительные заключения вручать за сутки до слушания дела, рассматривать их в суде в течение 3–5 дней<sup>3</sup>.

Большую роль играли директивы Наркомата юстиции СССР. Например, директива от 2 апреля 1936 г. № 21/с содержала «четкие и конкретные указания о практике работы» по делам об антисоветской агитации<sup>4</sup>.

В результате, для регулирования деятельности специальных коллегий была характерна фрагментация правового поля. Сотрудники СК о существовании многих ведомственных директив не знали. Так, ревизия СК Верхсуда Башкирской АССР, проведенная в начале 1938 г. установила, что «члены суда для рассмотрения этих дел назначаются без всякого подбора, с общими директивами по этой категории дел эти члены суда не знакомы».

Директивы часто изменялись и сотрудники не успевали за этим процессом. Например, 30 декабря 1937 г. Н. Крыленко и А. Вышинский издали совместный приказ № 33/с, в котором потребовали рассматривать в СК дела по ст. 58-7 (вредительство) только расследованные органами НКВД<sup>5</sup>. Но уже 29 мая 1938 г. А. Вышинским и Н. Рычковым был подписан новый приказ № 18с, отменявший приказ № 33/с. Он требовал все дела о государственных преступлениях рассматривать в СК.

Итак, изначально компетенция спецколлегий была достаточно узкой и предусматривала рассмотрение ряда государственных преступлений. Однако уже со второй половины 1934 г. наблюдается ее расширение.

Оно происходило двумя путями: на основании законов или ведомственных актов и на основании решений самих органов юстиции, благодаря нарушению правил подсудности. Второй вариант не поощрялся, но и жестко не пресекался.

Следует отметить, что СК ВС РСФСР неоднократно указывала на нарушение правил подсудности, установленных ведомственными актами и достаточно высокую долю «прочих» дел (в 1935 г. — 33,7%), которые могли быть рассмотрены в судах общей юстиции.

Основную роль в правовом регулировании спецколлегий играли ведомственные акты. Они нередко подменяли нормы действовавшего законодательства, противоречили им. К тому же ведомственные акты часто изменялись, отменялись, заменялись новыми. Это способствовало фрагментации правового поля и возникновению различных противоречий.

<sup>1</sup> История сталинского ГУЛАГа: в 7 т. Т. 1 / отв. ред. Н. Верт, С. Мироненко. 2004. С. 226-227.

<sup>2</sup> Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 35-36.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 75. Л. 6.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 428. Оп. 3. Д. 24. Л. 15.

<sup>5</sup> ОГАЧО. Ф. Р-916. Оп. 22. Д. 8. Л. 1-18.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жаркой, М. Спецколлегии в судебной системе СССР: их роль и место в реализации карательной политики государства / М. Жаркой // Судебная система РФ. — СПб.: Петрополис, 2009. — С. 25-29.
2. История сталинского Гулага: в 7 т. Т. 1 / отв. ред. Н. Верт, С. Мироненко. — Москва, 2004. — 726 с.
3. Кординцев, А. Специальные коллегии Уральских областных судов как органы политической юстиции в 1935-1938 гг. / А. Кординцев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2007. — № 21. — С. 81-85.
4. Кординцев, А. Органы специальной юстиции СССР в 1930-1950-е гг. / А. Кординцев, Д. Шкаревский, В. Яноши. — Сургут: СурГУ, 2016. — 255 с.
5. Кожевников, М. История советского суда / М. Кожевников. — Москва: ЮИ, 1948. — 376 с.
6. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. — М., 1993. — С. 35-36.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 5. Кн. 1. / сост.: В. Данилов. — Москва: РОССПЭН, 2004. — С. 498-502.
8. Тязин, Е. Проблемы укрепления законности в СССР и деятельность специальных судебных коллегий краевых, областных судов и верховных судов автономных республик в 1937-1938 гг. на материалах Мордовской АССР / Е. Тязин // Социально-политические науки. — 2012. — № 1. — С. 67-74.
9. Шкаревский, Д. Деятельность Спецколлегии Верховного суда РСФСР // История государства и права / Д. Шкаревский. — 2020. — № 6. — С. 34-39.
10. Шкаревский, Д. Специальные коллегии в советской судебной системе второй половины 1930-х гг. / Д. Шкаревский // Вопросы истории. — 2020. — № 3. — С. 257-265.